

димостями, тѣмъ самымъ, что она была высказана, дала основной толчокъ всему творчеству Толстого послѣднихъ десятокъ лѣтъ.

Толстой не разъ упоминаетъ, что многіе мыслители міра высказывали и до и послѣ Христа мысли о человѣческомъ поведеніи, въ общемъ согласныя съ идеями Евангелія. Но Сократъ, Платонъ, Будда, также какъ и мыслители позднѣйшіе, устанавливая принципъ духовности міра и выводя отсюда законы человѣческой жизни, не подымались до прямого и послѣдняго вывода о полномъ пренебреженіи матеріальнымъ міромъ и о законномъ подчиненіи его цѣлямъ человѣческаго духа. Никто не строилъ Небеснаго царства, никто не звалъ къ существованію исключительно въ той области духовныхъ цѣлей и стремленій, съ которыми люди неотвратимо боролись, не будучи въ силахъ ни отдаться въ полной мѣрѣ высшему призванію, ни преодолѣть ихъ влекущей силы. Христосъ ступилъ за грань всѣхъ мечтаній, всѣхъ стремленій человѣческаго духа. Онъ понесъ человѣческое сознаніе въ безпространственную область чистой и вѣчной духовности, непрерываемаго экстаза духа. На берегу этой вѣчности, этого вселенскаго океана, мы стоимъ съ удивленіемъ и ужасомъ.—Никакихъ матеріальныхъ цѣлей, часто столь милыхъ, никакихъ ежедневныхъ жизненныхъ интере-